

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОНТРЭЛИТЫ

Автор: Э. В. КЕМПИНСКИЙ

(На примере Северного Кавказа периода первой российской революции)

Интеллектуальная контрэлита своей деятельностью способствовала и способствует свержению правящих режимов и изменению государственного устройства. В кризисных ситуациях весьма важно обеспечение законности и сохранение конституционного порядка. Во многом это зависит от эффективности деятельности правоохранительных органов. Одним из факторов успешности такой деятельности является учет исторического опыта, вобравшего в себя специфику взаимоотношений государства и оппозиционных сил в конкретных условиях.

Хронологические рамки данной статьи - период накануне и в годы первой российской революции. Изложение проблемы дается в региональном аспекте - на примере Ставропольской губернии и Терской области.

Несмотря на относительно большую представленность на Кавказе чинов административно-полицейских и судебных органов, не во всех местах плотность их была высокая. Полиция и жандармерия как области, так и губернии объективно не обладали возможностями для эффективного выполнения своих профилактических и карающих функций.

Работу политической полиции в России в начале XX в. можно охарактеризовать как рутинную, в которой отсутствовала гибкая система выявления и анализа деструктивных политических сил и направлений. По оценке осведомленного начальника Особого отдела Департамента полиции Л. Ратаева, накануне революции девять из десяти жандармских отделений не имели агентуры и не были знакомы даже "с элементарными приемами наружного наблюдения" [Леонов, 2003, с. 105 - 106].

Численность Терского жандармского управления, охватывавшего своей деятельностью и губернию, была небольшой. На столь обширную территорию, сложную в социальном отношении, приходилось всего 26 чиновников, в том числе в Ставрополе - 7 жандармов во главе с ротмистром. В области насчитывалось 19 членов управления, среди них в областном центре - 12, в Пятигорске - 7 человек. Контроль за политическим устроением в Грозном и других местностях губернии осложнялся полным отсутствием в них жандармов. Таким образом, по утверждению начальника управления Р. Шпицбарта, количество чинов являлось "несоразмерно малым в интересах наблюдательной службы" [Северная... 1955, с. 85 - 86].

К е м п и н с к и й Эдуард Вячеславович - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ставропольского государственного университета.

Не лучше обстояло дело и с обыкновенной полицией на региональном и общероссийском уровнях. В губернском центре с численностью населения до 50 тыс. имелось всего 72 полицейских чиновника, в том числе 62 городских, 4 пристава и 4 их помощника, полицмейстер и его помощник [ГА СК, ф. 101, оп. 1, д. 331, л. 43]. Владикавказское полицейское управление располагало накануне революции 100 чинами на 55 тыс. городского населения [Терский... 1905, с. 111]. На весь курортный район Кавказских Минеральных Вод приходилось 43 городских, и то - нанимаемых только на лечебный сезон. Об удручающей ситуации с численностью полиции говорил и военный министр В. Сахаров 10 сентября 1904 г.: "Полицейская охрана в... Терской области чрезвычайно слаба... бессильна выполнять свое назначение как вследствие малочисленности ее, так и вследствие неудовлетворенности устройства ее во всем составе" [Пятигорск... 1985, с. 254 - 255].

Особой категорией в национальных районах Терека была горская милиция, созданная в 1871 г. из представителей горских народов. Однако, как справедливо отмечал в 1890 г. начальник области С. Коханов, эффективность ее была незначительна: "Из туземцев ни один никогда не станет преследовать своего соплеменника, боясь мести; поэтому полагаться на милицию как активную силу нужно с большой осторожностью" [Ортабаев, 1985, с. 93].

Значительную роль в правоприменительной практике играл субъективный фактор. Наиболее отчетливо данную ситуацию можно проследить на примере Ставрополя, где в наиболее чистом виде общественно-политическое движение представляли интеллигентские слои населения.

Отцы зачастую оказывали поддержку своим детям как в их борьбе со школой, так и в опыте политической борьбы. В ноябре 1902 г. ставропольским гимназистам в очередной раз сошло с рук учинение бесчинств, хотя виновность некоторых для школьной администрации не вызвала сомнений. В последующем из их числа сформировались революционные лидеры. Почему же их "не выявили" в 1902 г.? В этом видится противодействие отцов и прочих родственников, облеченных властью и занимающих видное общественное положение, среди которых, в частности, были и прокурор, и пристав, и земский начальник. Именно на них обратил внимание министр народного просвещения в "доверительном отношении" к министру внутренних дел [ГА СК, ф. 101, оп. 4, д. 2809, л. 9 - 9об.].

Естественным образом эта поддержка сказывалась и на обстоятельствах политического дела. Так, по словам активного участника революционных событий в губернии учителя В. Зароченцева, дочь ставропольского пристава Ф. Труфанова, будучи членом революционной организации, "сумела... воздействовать на своего отца с лучшей гуманной воспитательной стороны и получить от него... необходимые исчерпывающие сведения о предстоящих обысках у политических деятелей - интеллигенции г. Ставрополя... Если производит обыск Труфанов, можно не особенно волноваться" [ГА СК, ф. 3817, оп. 1-а, л. 52, 55]. В 1905 г. следователем по особо важным делам стал М. Любомудров. Как отмечал прокурор ставропольского окружного суда В. Рыковский, у Любомудрова оба сына были воспитанниками старших классов местной гимназии, в силу чего на объективность его расследований особенно надеяться не приходилось [ГА СК, ф. 352, оп. 1, д. 195, л. 30об.].

Российское судопроизводство основывалось на гуманных принципах реформы 1864 г. Однако на окраинах страны в претворении реформы имелись ограничения. Так, в Терской области не было института присяжных заседателей, а в Ставропольской губернии он появился уже в годы первой российской революции. В условиях всеобщности, состязательности, гласности и относительной независимости судей от администрации многое зависело от их совести. Из десяти членов ставропольского окружного суда в силу своей гражданской позиции, родственными и общественными связями примыкали к оппозиционному движению четверо [ГА СК, ф. 1008, оп. 1, д. 70, л. 29 - 30].

В Ставрополе юристы Д. Евсеев и С. Дадьянц доказывали несостоятельность идеи об эффективности наказания организаторов и активных участников беспорядков. По мнению Дадьянца, они невиновны, так как действуют под влиянием общей ситуации в стра-

не. Соответственно, он руководствовался этим принципом и в своей профессиональной деятельности, возглавлял в 1905 г. ставропольский окружной суд. По утверждению жандармерии, "исправляя временно должность председателя суда, Дадьянц при каждом случае осуждал всякого рода мероприятия правительства, клонящиеся к подавлению революционного движения" [ГА СК, ф. 73, оп. 1, д. 1221, л. 31 - 34об.]. За оправдание противоправных действий лиц "свободных профессий" и учащейся молодежи выступали некоторые представители правоохранительных органов Терской области, в том числе судебные следователи и даже заместитель прокурора окружного суда Владикавказа [ЦГА РСФСР, ф. 1849, оп. 2, д. 5, л. 17-а; ЦГА РСФСР, ф. 12, оп. 8, д. 368, л. 2об.]. Мощнейшая поддержка противоправительственным силам оказывалась и со стороны ставропольской адвокатуры: из 16 присяжных поверенных и их помощников свою солидарность с политическим движением в России выражали 15 человек [ГА РФ, ф. 102, оп. 102, д. 1, л. 5об. -6]. Нетрудно представить, как все это сказывалось на правоприменительной практике в Ставропольской губернии и Терской области.

Бесславно для областной администрации закончилось дело о восстании крестьян в селе Гизель в апреле 1902 г. Суд шел формально при закрытых дверях. Однако каждому из обвиняемых разрешили пригласить по два родственника или знакомого. Вследствие этого зал суда оказался "полон туземной интеллигенции, сочувствовавшей подсудимым" [Хоруев, 1978, с. 671. В защиту обвиняемых выступили представители местного учительства, чиновничества, офицерства. Среди них были поэт К. Хетагуров, офицер В. Голиев, чиновник С. Шиманчевский, присяжный поверенный Г. Баев и др. Влияние оказалось столь весомым, что судебная власть вынуждена была считаться с ним. В результате в отношении лидеров восстания из числа осетинской интеллигенции и ряда крестьян вынесен оправдательный приговор, и начальнику области пришлось ограничиться лишь административными мерами против руководителей бунта. А чиновники, выступившие в защиту подсудимых, были отстранены от занимаемых должностей.

Деятельность следственного аппарата и государственного обвинения затрудняли Уголовное уложение 1903 г. и Закон от 7 июня 1904 г., принятые при участии либерального министра юстиции Н. Муравьева. Были ослаблены карательные меры, почти полностью исключившие административные репрессии. Следствие вынуждено было вести дознание с особенной осторожностью, отыскивая факты, имеющие значение неопровержимых доказательных улик и свидетельских показаний, отбрасывая все то, что носит агентурный, наблюдательный характер. В то же время закон требовал от следствия заранее извещать обвиняемых и их защиту о свидетелях и содержании их показаний.

О негативных последствиях Закона от 7 июня 1904 г. и проблемах правоприменительной практики в интересах защиты государственности писал, в частности, директор департамента полиции Э. Вуич в докладной записке министру внутренних дел П. Столыпину от 16 мая 1906 г. В документе говорится: "При таких условиях единственным почти (кроме поличного) средством доказательств виновности являются свидетельские показания, и в этом-то отношении в настоящее время замечается печальное явление: насколько охотно и подробно давались свидетельские показания при старом порядке административного решения дознаний, настолько трудно получить таковые теперь. Причиной этого служит оглашение свидетельских показаний на суде и боязнь свидетелей пострадать от революционеров за свои откровенные уличающие показания... Наличие терроризации свидетелей не подлежит сомнению; известны случаи жестокой мести им за данные показания..." [Политическая... 2001, с. 231].

Критика либерального законодательства и опасения властей были вполне обоснованными. По признанию осетинского революционера С. Такоева, свидетелей "где угрозами, где убеждениями" заставляли отказываться от своих показаний уже в ходе следствия [Такоев, 1926, с. 326], а при их отсутствии уголовные преследования в отношении революционеров вынужденно прекращались. Помимо страха на свидетелей влияло чувство щепетильности, когда дача показаний по государственным преступлениям воспринималась как безнравственный поступок. Эта щепетильность была свойственна широ-

ким слоям интеллигенции: ученым, чиновникам, священникам и даже офицерам [Северная... 1955, с. 85 - 86].

Ярким подтверждением данной ситуации стала реакция правоохранительных органов и царской администрации на так называемый "банкет" 12 января 1905 г. в Ставрополе. В этот день состоялось собрание в честь 150-летия Московского университета. Число присутствующих достигло 200 человек - адвокаты, учителя, студенты, гимназисты и гимназистки. Банкет превратился в политическую демонстрацию. Однако, несмотря на агентурные данные, губернатор и прокурор Ставропольского окружного суда выступили за нежелательность возбуждения дела в силу невозможности найти, кто бы дал свидетельские показания.

В 1905 г. сменяющиеся ставропольские губернаторы неоднократно констатировали свою полную беспомощность противостоять деятельности политически неблагонадежных лиц из-за отсутствия должных охранительных сил и "энергичных мер, принятие которых выходит за пределы... компетенции" [ГА СК, ф. 101, оп. 1, д. 331, л. 42 - 43]. Но даже при наличии реальных полномочий местные власти показывали свою неподготовленность и неспособность к предупреждению и пресечению социальных катаклизмов.

В период подъема революционного движения полностью подтвердились выводы, высказанные еще в 1902 г. в аналитической справке начальника Особого отдела Департамента полиции Ратаева. Внимательный аналитик, в частности, предупреждал самодержавие: "Губернаторы... не отдают себе ясного отчета в серьезности происходящих на их глазах явлений" [Леонов, 2003, с. 106]. В решительные моменты они терялись и предпринимали действия, напротив, способствующие расширению беспорядков.

Опасения Ратаева полностью подтвердились в ходе кровавой трагедии 7 июня 1905 г. Администрация совершила грубейший политический просчет, разрешив в центре города в ярмарочный день публичное мероприятие дискуссионного характера, спровоцировав столкновения православных со старообрядцами. Она проявила полную неспособность стабилизировать ситуацию, предлагаемые меры были неэффективны. Присутствовавшие на месте трагедии 19 городских, 5 конных урядников, священники, офицеры полиции и армии, от 12 до 70 солдат заняли выжидательную позицию, не предпринимая активных действий, направленных на стабилизацию ситуации. Толпа достигла свыше тысячи человек. Власти необоснованно рассчитывали на то, что с наступлением сумерек люди разойдутся по домам или увеличение сил охраны испугает их. В 10 часов вечера произошла кровавая трагедия: в ходе столкновения народа с солдатами 14 человек были убиты и около 70 ранены.

Интеллектуальная контрэлита успешно использовала предоставленный шанс обработки общественного мнения и проведения революционной агитации. "После 7 июня преступная организация, использовав этот инцидент и опираясь на общее недовольство местного общества, широко повела свою пропаганду", - констатировалось в политическом обзоре [ГА СК, ф. 1008, оп. 1, д. 70, л. 25].

К концу 1905 г. правоохранительные органы показали неспособность справиться с растущим политическим движением в силу субъективных факторов. Министр юстиции М. Манухин, сохраняя приверженность принципам судебной реформы 1864 г., отказывался от усиления репрессивной политики, использования внеправовых мер. Он считал, "Лучше простить несколько виновных, нежели осудить одного невинного". Министр внутренних дел П. Дурново обвинил судебное ведомство чуть ли не в саботаже [Звягинцев, Орлов, 1996, с. 276, 297].

Общероссийские тенденции судебной практики реализовывались и на местах. Начальник Терского жандармского управления Шпицбарт с сожалением констатировал: "Ряд... политических оправдательных процессов, или сведение ответственности по многим рассмотренным государственным преступлениям почти до нуля, окрыляет подпольных деятелей и создает в обществе взгляд... безнаказанности" [Северная... 1955, с. 129 - 130]. Отмечен факт блокады правосудия в отношении лиц, "занимающих сколько-нибудь заметное общественное положение", главным образом - лиц свободных профессий.

Эффект безнаказанности воздействовал не только на демократическую интеллигенцию, но и на "народ". Большую роль в формировании общественного сознания играла пресса, обнародовавшая оправдательные вердикты по государственным преступлениям. Да и сами обыватели воочию видели вседозволенность революционных агитаторов из числа интеллигенции. Правоохранительная система зачастую оказывалась неспособной выполнить ни карательные, ни предупредительные функции. В преступную деятельность, направленную против государства, вовлекались новые лица: интеллигенты, рабочие, крестьяне. Революционное движение продолжало развиваться по нарастающей.

Тюремное заключение воспринималось интеллигенцией и особенно учащейся молодежью своеобразным "университетом", пройти через который считалось делом чести для каждого уважающего себя борца за свободу. Однако возможностей для проявления героизма в условиях патерналистских отношений между властью и интеллигенцией было мало. Видя нежелание или неспособность властей привлекать лиц свободных профессий и учащейся молодежи к уголовной ответственности, в середине 1905 г. в среде ставропольской интеллигенции появился лозунг "Смелее в тюрьмы!".

Патриархальные отношения власти к обществу, либералов к революционерам проявлялись и в условиях тюремного содержания представителей местной революционной интеллигенции периода 1905-начала 1906 гг. Учитель Ф. Емельянов, активный участник революционного движения в губернии, вспоминал: "Политических держали в арестантском доме, где им жилось неплохо, потому что их кормил "Красный Крест" и они пользовались относительной свободой. Пропуски (посетителям - Э. К.) давались всем и на свиданиях можно было говорить обо всем. Забор низкий, но политические не стремились бежать" [Ставрополье, 1924, с. 106]. Революционер из Северной Осетии учитель Г. Дзасохов отмечал аналогичные благоприятные условия для лиц "свободных профессий" в Пятигорской тюрьме. "Там, - писал он, - я почувствовал себя как бы на квартире: чисто, кровати, тепло, даже цветы комнатные. Политические в этой тюрьме находились в исключительно благоприятных обстоятельствах... Мы до того развратили тюрьму, что стали себе позволять даже отлучки в город и без позволения, и с позволением. Ко мне приходили мои знакомые, хотя губернатор (имеется в виду начальник Терской области. - Э. К.) никому и не дал пропуска ко мне" [Дзасохов, 1970, с. 188].

Но следует отметить: благоприятные условия не были характерны для всех мест заключения. Так, тот же Дзасохов с ужасом вспоминал казематы крепости в Назрани. Существовали, по оценкам современников, и "глухие тюрьмы", куда не доходили отзвуки общественной жизни. Во Владикавказской областной тюрьме, судя по документам, не было столь мягкого режима, как в Ставрополе и Пятигорске. Тем не менее увеличение числа политических оказывало влияние на тюремную жизнь и доставляло администрации немало забот. Политические заключенные занимались самообразованием, проводили революционную агитацию среди уголовников [1905 год... 1925, с. 43]. Упомянутый "Красный Крест" возглавляли на местах представители демократической интеллигенции. Он доставлял в тюрьмы политзаключенным не только питание, но и книги, деньги, а в случае необходимости участвовал в организации побегов.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, столь либеральное отношение в Ставрополе и Пятигорске распространялось не на всех привлеченных к дознанию за государственные преступления, а только на интеллигенцию и близких к ней профессиональных революционеров. Во-вторых, условия тюремного режима были тесно связаны с уровнем общественного движения в конкретных местах. Не случайно именно в Пятигорске и Ставрополе движение демократической интеллигенции было больше развито. Общественно-политическое движение и традиционные сложившиеся здесь связи между властью и обществом оказывали взаимное влияние.

Эта ситуация, на мой взгляд, наиболее характерна для Ставрополья. Она проявилась, с одной стороны, в количественном увеличении участников освободительного движения из числа как интеллигенции, так и пролетариев и крестьян. С другой стороны, отсутствие антагонизма между властью и обществом на местном уровне не способствовало резкому обострению политической ситуации, реализации радикальных тенденций.

Проявив в первые месяцы революции нерешительность в борьбе с революцией, правительство к концу года стало применять жесткие меры. Власть была терроризирована революционными событиями, прошедшими после опубликования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. Изданный по инициативе нового министра юстиции М. Акимова закон значительно упростил судебную процедуру по делам о государственных преступниках и погромах. Однако при сохраняющихся сложностях осуществления принципа неотвратимости наказания в судебном порядке самодержавие пошло на активное применение административных и внеправовых исключительных мер.

30 ноября 1905 г. министр внутренних дел Дурново потребовал от местных властей арестовать всех революционных агитаторов, "которые не арестованы судебной властью", и выслать их под надзор полиции. При этом рекомендовалось не утруждать себя соблюдением особых дознаний; доказательство вины - сам факт агитации. Министр запретил выпускать из тюрем "наиболее опасных агитаторов даже при наличии на то санкций судебных властей". Особое внимание в циркуляре уделялось движению интеллигенции. В нем говорилось: "В случае ареста учителей, фельдшеров и других служащих... а равно посторонних лиц или приезжающих, не обращать никакого внимания на мятежные протесты разных... союзов и делегаций" [Революция... 1980, с. 193 - 194].

Именно на интеллигенцию правительство обоснованно возлагало главную ответственность за развитие рабочего и крестьянского движений. В связи с этим министр внутренних дел 16 декабря 1905 г. рекомендовал губернаторам немедленно снять с работы замеченных в революционном движении "статистиков, учителей, фельдшеров и пр... независимо от возбуждения против них законного преследования" [Высший... 1955, с. 157 - 158].

23 декабря 1905 г. в Терской области было введено военное положение, значительно расширившее полномочия административных властей по борьбе с общественно-политическим движением. Генерал-губернатор разрешил воинским частям применять оружие против участников несанкционированных митингов и собраний. Они подлежали административному аресту на срок до трех месяцев или денежному штрафу в размере до 3 тыс. руб.

Начались массовые репрессии против передового учительства Осетии, врачебного персонала Кавказских Минеральных Вод. Были закрыты многие культурно-просветительские учреждения Терека, разгромлены отделения демократических партий Терека - кадетов, социал-демократов, эсеров. Интеллектуальная контрэлита подвергалась и уголовным, и административным преследованиям.

Демократическая интеллигенция не привыкла к подобному обращению, к карательной политике властей. В условиях реакции, наступившей после периода высшего подъема революции, стали очевидны подавленность, растерянность и снижение политической активности революционной общественности. Некоторые руководители движения поспешили скрыться из области. Волна арестов уважаемых в обществе лиц, прокатившаяся по Пятигорску, Грозному, Владикавказу и Северной Осетии в целом, "ошеломляюще" подействовала на революционных деятелей [Северная... 1955, с. 243].

К середине 1906 г. на 75% территории страны действовали исключительные условия управления. Островком свободы выглядела Ставропольская губерния. Здесь в отличие от регионов Терека и Кубани исключительное управление не вводилось. Сюда устремился неблагонадежный элемент соседних областей, высланный в порядке административного преследования или прибывший добровольно. Местная администрация не решалась на арест видных представителей революционной интеллигенции, в том числе лидеров партийных комитетов левых партий, разоружение их боевых дружин, состоящих в основном из гимназистов.

Причинами этого можно считать следующее. С одной стороны, при частой смене губернаторов, отсутствии надежных воинских частей и необходимых административно-полицейских сил, а также благодаря традиционным патерналистским отношениям власти к местной демократической интеллигенции здесь не принимались должные меры по пресечению политического движения. С другой стороны, данные условия не способст-

вовали радикализации деятельности революционеров - представителей местного общества, в своем большинстве удовлетворенных достижением целей городского движения 1905 г. - провозглашением демократических свобод и созывом органов народного представительства .

Катализатором революционного движения в Ставропольской губернии стал арест в конце июля 1906 г. участника вооруженного восстания в Кронштадте, депутата распущенной I Государственной думы Ф. Онишко (как представлялось народу - за защиту крестьянских интересов). В отличие от движения 1905 г. на смену городским слоям населения в качестве главной движущей силы теперь пришло крестьянство, направляемое интеллигенцией. В ответ на крестьянские восстания 9 августа 1906 г., согласно Высочайшему повелению, в Ставрополе, Ставропольском, Медвеженском и Благодаринском уездах было объявлено положение чрезвычайной охраны, а в Александровском, Прасковейском уездах и территории кочующих народов - положение усиленной охраны. Демократическая интеллигенция Ставропольской губернии в августе 1906 г., пожалуй, впервые за все время революции ощутила непреклонную волю и твердую руку государственной власти, не намеренной либеральничать с образованным "обществом". Главы губернской администрации периода подавления революции на Ставрополье старались проводить жесткую репрессивную политику без оглядки на сложившиеся в губернии взаимоотношения между властью и обществом.

Исключительные положения позволили генерал-майору Н. Литвинову силами казаков и артиллерии подавить крестьянское сопротивление, арестовать в административном порядке на срок до одного месяца активных участников восстаний, членов крестьянских комитетов и агитаторов, освободить от должностей многих старшин и сельских учителей. В сельской интеллигенции, в ее агитации и руководстве выступлениями выделась главная причина настоящего положения вещей в губернии.

С началом нового учебного года началось наступление на ученические вольности, добытые в ходе пятилетней борьбы. Вновь ужесточился дисциплинарный контроль. Воспитанников обязали повсеместно носить ученическую форму. За проявления учащимися каких бы то ни было попыток к нарушению нормального хода учебных занятий в стенах школы или за ее пределами не только к ним, но и к их родителям предлагалось применить административные меры в полном объеме.

Дирекции учебных заведений впервые за пять лет встретили поддержку со стороны ставропольской администрации в достижении "полного подчинения учащихся обязательным для всех без исключения постановлениям о соблюдении порядка". Администрация - и школьная, и губернская - перестала заискивать перед родителями, прося их увещевать своих чад. 22 октября губернатор запретил всякого рода совещания с родителями, всем невышедшим на занятия и мешающим остальным учиться предлагалось "немедленно покинуть гимназию, иначе, как виновники безусловно нетерпимого в учебном заведении беспорядка, будут, согласно положения чрезвычайной охраны, частью высланы из пределов губернии, частью заключены в тюрьму, а бездействующий педагогический персонал будет мной устранен от должности" [ГА СК, ф. 101, оп. 5, д. 379, л. 17]. Таким образом в Ставропольской семинарии были уволены треть воспитанников, многие гимназисты исключены, высланы за пределы губернии. Аналогичная ситуация складывалась и на Тереке.

Столь жесткая политика в отношении школьников была оправдана. За предыдущие годы их деятельность вышла за пределы освободительного движения, и они превратились в трудноконтролируемую массу, вооруженную дубинками и револьверами.

Демонстрация силы произвела впечатление. В новых политико-правовых условиях интеллигенция не смогла оказать достойного сопротивления усилению репрессий. Привычный инструментарий не работал: правовые знания, квалификационная помощь адвокатов становились бесполезными. В судебном ведомстве были укреплены позиции самодержавия, важные дела передавались из юрисдикции местных окружных судов в вышестоящие инстанции. Даже судья - порой щепетильный - оказывался зачастую лишней или номинальной фигурой утверждения административной кары. Закончилось

время патерналистского отношения власти к "обществу", власть стала игнорировать его мнение. Угроза "коллективной ответственности" перестала пугать власти: последовали массовые увольнения, аресты, штрафы, запреты обществ. Да и сама демократическая интеллигенция была ослаблена революционным движением и репрессиями, развернувшимися с конца 1905 г. в Терской области, а в Ставропольской губернии - с августа 1906 г., и не могла активно сопротивляться, что способствовало эффективности репрессивной политики. Общественность не была столь единодушна, как раньше; сказывались разногласия между либералами и революционерами; примеры их консолидации стали единичны.

Однако и на Ставрополье, и на Тереке, как и в других регионах страны, сохранялись личные связи в ограниченной среде местной интеллигенции, симпатии и другие субъективные факторы, выводящие тех или иных лиц из-под должного наказания. Показателен пример уголовного преследования видных общественных деятелей - лидеров так называемой "Пятигорской республики" - в декабре 1905 г. Следователи и заместитель прокурора Владикавказского окружного суда сделали все возможное, чтобы вывести из-под обвинения в "бунте против верховной власти" лиц, "пользовавшихся известным положением в местном обществе", переложив ответственность на недоступных правосудию сбежавших студентов [ГА РФ, ф. 124, оп. 44, д. 1696, л. 125об.]. Генерал-губернатору оставалось только своей властью выслать их из Пятигорска за пределы области, в частности в Ставрополь.

Впрочем, и к детям из семей местной интеллигенции сохранялось неоправданно снисходительное отношение властей. Так, арестованной за агитацию в расположенных в областном центре войсках группе социал-демократов грозило наказание от 4 до 6 лет каторги. Однако решением военного суда максимальное наказание применено только к рядовому. В отношении сына секретаря акцизного управления и дочери капитана каторга была заменена ссылкой на поселение. Смягчающими вину обстоятельствами признавались их малолетство и "легкомыслие" [СОИГИ, д. 9, л. 28 - 29].

Репрессивный аппарат, решительно подавляя восстания, с большими трудностями пресекал развитие революционной идеологии и агитации. Даже в разгар репрессий царские власти в силу объективных и субъективных причин не справлялись со своими охранительными функциями.

В 1906 г. мощнейшим средством революционной агитации оставалась пресса. Администрация даже в условиях исключительных полномочий управления Терской областью не обладала юридическими возможностями воспрепятствовать выходу новых изданий с противоправительственными тенденциями. Еще более негативная ситуация сложилась в Ставропольской губернии к августу 1906 г. Общая численность периодических изданий демократической ориентации в губернии увеличилась в 6 раз, а в области - на треть, достигнув, соответственно, 25 и 26 наименований.

Прогрессивная общественность в полной мере воспользовалась преимуществами, предоставленными "Временными правилами" 24 ноября 1905 г. Вполне обоснованно возмущался этим представитель реакционного лагеря: "...и вот сегодня закрывают одну газету, а завтра в той же типографии, тем же шрифтом, при том же составе сотрудников, в том же направлении глумливо печатается тождественная газета, которой тождество прикрито только фиговым листком похожего названия" [Хорцев, 1971, с. 136]. Смена названия и ответственного редактора оказывались чисто фиктивными условиями издания новой газеты. При этом обладателями разрешения на издание новых газет являлись порой чисто номинальные фигуры, реальное управление находилось в прежних руках.

Сохраняя преступникам (политическим в том числе) жизнь, возвращая их в общество, государство получало возмужавших, бескомпромиссных врагов. Революционеры, претерпевая "неблагоприятные" для себя последствия, крепили, утверждались в правоте своих действий в собственных глазах и во мнении соратников. С. Булгаков в сборнике "Вехи" точно подметил характерную черту интеллигенции: "Страдания и гонения больше всего канонизируют героя в его собственных глазах и для окружающих... Ничто так не

утверждает психологии героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже погибель" [Вехи, 1909, с. 38]. Тем более когда кары, должны по определению быть "неблагоприятными", на самом деле такими не являлись.

Административная высылка представителей демократической интеллигенции из одной губернии в другую (из Пятигорска в Ставрополь) порой не приводила к желаемым последствиям. Изъятие из местного общества его представителей укрепляло позиции сыльных революционеров, прибывающих, например, во Владикавказ, Грозный и Пятигорск из Закавказья. "Гастролеры" занимали освободившееся от местных революционеров место, им открывалось широкое поле деятельности среди народа, отчасти уже подготовленного к освоению элементарных политических лозунгов. Их успеху способствовала позиция либералов.

Репрессии покончили с демократической общественностью - со здоровой интеллектуальной, духовной оппозицией, сдерживающей как деспотизм самодержавия, так и революционную анархию. В результате репрессий часть либералов вынуждена была покинуть регионы. Эти люди, как правило, отличались от революционной интеллигенции общественным положением, зрелым возрастом, имели профессию, семью, хозяйство, то есть были "солидными" людьми. Для таких нахождение в тюремной камере хоть и гостиничного типа, высылка под надзор полиции в другой город представлялись тяжким наказанием. Боясь потерять нажитое трудом - общественное положение, клиентуру, стабильный и необходимый для достойного жизненного уровня достаток - они отстранились от активного участия в общественно-политической борьбе. И конечно, сказывались нарастающие разногласия между либералами и революционерами. Ужаснувшись революционной анархии, либералы с конца 1905 г. выступали с критикой левых экстремистов, чем моментально были отнесены в разряд "реакционеров" и потеряли былой авторитет у своих духовных "детей".

"Гастролеры", не связанные с традициями патриархального общества, отличались большим радикализмом взглядов и опирались преимущественно на формирующийся пролетариат, такой же маргинальный, как и они. Не случайно в 1906 г. усилилась роль рабочих грозненского нефтепромышленного района - они оказались во главе стачечного движения не только Терской области, но и всего Северного Кавказа.

Продолжению революционного движения в Терской области в условиях исключительного положения способствовали более широкая социальная база и более глубокие социально-экономические и политические предпосылки революционной активности, чем на Ставрополье. На Тереке реакция в отношении интеллигенции, в отличие от Ставропольской губернии, наступала постепенно. Если в губернии с революционными событиями было в принципе покончено в течение августа - начала сентября 1906 г., то в области реакция наступала в ходе всего 1906 г. Волны репрессий постепенно пресекли революционное движение в области.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показал следующее. Правоохранительные органы действовали под влиянием объективных (слабость наличных средств, правовая база, уровень развития общественно-политического движения) и субъективных факторов. В условиях Терека и Ставрополья революционеры - представители местного традиционного общества (профессиональная интеллигенция и учащаяся молодежь) - вплоть до конца 1905 г. практически не привлекались к уголовной и административной ответственности.

В их поддержку выступали массы демократической интеллигенции в лице адвокатов, врачей, учителей, гимназистов, их профессиональных объединений, несмотря на существовавшие в их среде политические тактические разногласия. Юристы обеспечивали квалифицированную защиту. Свидетели отказывались давать показания в знак солидарности либо из-за опасения применения насилия со стороны оставшихся на свободе революционеров.

Сказывались нерешительность и патерналистские отношения местной власти к демократической общественности. Тесно связанные с местным обществом представители администрации и судебных властей вынуждены были ко многому относиться снисходи-

тельно. В то время, когда приезжие агитаторы подвергались административно-полицейскому и судебному преследованию, а крестьян отправляли по этапу в Сибирь, революционеров-интеллигентов бесплатно защищали адвокаты, буржуазия брала их на поруки под крупные залогов, судьи если и осуждали, то на малые сроки.

В целом и на Тереке, и на Ставрополье в арсенале борьбы с революционной интеллигенцией преобладали административные меры (временные аресты, штрафы, выселения, закрытие обществ и газет). Использование административных санкций резко возросло с внедрением внеправовых исключительных положений: в области - в декабре 1905 г., в губернии - в августе 1906 г. Именно они обеспечили относительно эффективную борьбу с революционным движением. Однако самодержавие, укрепив правоохранительные органы и устраняя юридические коллизии судебной практики, не могло совладать с субъективными факторами правоприменительной практики. Уголовную ответственность понесла лишь часть революционной интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1905 год во Владикавказе. Владикавказ, 1925.
Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
Высший подъем революции 1905 - 1907 гг. Ч. II. М., 1955.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Государственный архив Ставропольского края (ГА СК).
Дзасохов Г. Д. Статьи и очерки. Орджоникидзе, 1970.
Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX-начало XX в. М., 1996.
Леонов С. В. "Разруха в головах": к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901 - 1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003.
Ортабаев Б. Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1985.
Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX-начало XX вв.) Сборник документов. М., 2001.
Пятигорск в исторических документах: 1803 - 1917 гг. Ставрополь, 1985.
Революция 1905 - 1907 гг. на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980.
Северная Осетия в революции 1905 - 1907 гг. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955.
СОИГИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9.
Ставрополье. 1924. N 10.
Такоев С. К истории революционного движения на Тереке (по личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Владикавказ, 1926.
Терский календарь на 1905 год. Владикавказ, 1905.
Хоружев Ю. В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX-XX веков. Орджоникидзе, 1978.
Хоружев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.
Центральный государственный архив Республики Северная Осетия (ЦГА РСО).